

„ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ“

КОНЕЧНО ЖЕ, он создавал эту роль для себя. Как, впрочем, и Степана Разина, который, уступив свое место Егору Прокудину, так и не успел появиться на экране. Я убежден, что в каждом из этих двух превосходных образов социально-правдивая характеристика героя заметно оживлена и расцветена личными психологическими чертами автора.

Вспоминая эти чисто человеческие черты Василия Макаровича, можно вчерпе представить, как бы он стал играть Ивана из своей сказки. В ушах как бы уже звучит глуховатый, несильный, но проникающий в самую душу голос: «Нам бы не сидеть, Илья! Не расслаживаться бы...». Новизна и необычность этого образа, на мой взгляд, помимо всего прочего, объясняются еще и автобиографичностью: путь Шукшина в большое искусство был не таким, каким он кажется нам теперь.

Последние годы своей жизни писатель, может быть, незаметно для самого себя, выработал совершенно новый литературный стиль, сочетающий такие особенности, как свойственный «длинной» прозе психологизм и сжатая краткость, интимная проникновенность и динамический сюжет. Сатирические интонации, например, вполне уживаются в такой прозе с лирическими, а те и другие отнюдь не мешают глубине философских раздумий. (Вероятно, если говорить в этом плане о традиции, то из предшественников В. Шукшина ближе всего к нему М. Булгаков). Новый литературный стиль вместе с новыми же мыслями, видимо, создают и новый жанр. По крайней мере, они не уместаются в старых, традиционных жанрах. Сказка «До третьих петухов» подтверждает новаторство В. Шукшина. (Первоначальное

название ее «Ванька, смотри!»).

Череповецким (при Дворце металлургов) народным театром впервые в стране эта сказка воплощена в сценических образах. Прежде чем говорить о спектакле, вернемся к сюжету. (Сказка опубликована в журнале «Наш современник» № 1 за 1975 г. и в одноименнике «Мой брат», только что изданном в Москве

300-тысячным тиражом). Имея некоторую фантазию, нетрудно представить ночь и обычную библиотеку, где после ухода уборщицы оживают и начинают действовать известные всем литературные персонажи: Бедная Лиза, Обломов, Онегин, гоголевский Акакий Акакиевич и т. д. Тут же, как бы попеременно с ними, и герой народного эпоса Илья Муромец, и Донской Атаман

(вспомним ушедшего в могилу вместе с автором, так и не правившегося в кино Стеньку). Что же происходит с «литературными» персонажами? Оказывается, они возмущены присутствием в их компании Ивана-дурака — героя народных сказок. Они по-пизжоски дружно требуют от него либо покинуть библиотеку, либо принести справку, подтверждающую то, что он тоже умный... Один Илья Муромец да еще Донской Атаман вступаются за Ивана, но и те вынуждены уступить большинству. «Иди, Ванька,— говорит Муромец,— ничего не сделаешь. Вои они все какие грамотные». И вот Иван отправляется искать мудреца, чтобы заполучить эту самую справку и до третьих петухов успеть вернуться обратно...

Как и любой, подлинно драматургический материал, сказка Шукшина допускает множество сценических решений, предоставляя режиссеру свободу выбора. Но ведь в этой же множественности таится и опасность потеряться или не пайти какой-то особой, необходимой для всего спектакля тональности, или липиться главной мысли драматургического замысла.

По-видимому, не без труда режиссер Р. М. Смирнов избежал этой опасности. Спектакль обладает внутренней, а не внешней цельностью. Угроза фрагментарности, мозаичности обойдена, вернее, ликвидирована при помощи единой специфической интонации. Очень способствует этой же самой цельности и ровная, почти профессиональная игра Бориса Ленькова, на протяжении всего действия с подъемом исполняющего главную роль. (Если говорить о других исполнительских удачах, то не-

обходимо упомянуть прежде всего выпускнику Череповецкого пединститута Людмилу Киселеву). Вообще коллектив предал весьма большую и сложную работу. Довольно удачно введена в спектакль пантомима, выразительная декорация и костюмы. Само собою, можно говорить об отдельных недостатках спектакля: излишняя суетность, перевозность, иногда не в меру сильное увлечение внешней эффектносью. Эти недостатки, вероятно, от постановки к постановке будут изживаться сообща, всем коллективом, главное, что спектакль есть, он живет.

Нельзя не упомянуть здесь и о том энтузиазме, с которым создавался спектакль. Рабочие, студенты, школьники, отрывая время от физического отдыха, по вечерам спешили в свою студию при Дворце металлургов, ренетировали, читали произведение Шукшина, на ходу осваивали сценические приемы. И вот этот их труд воплотился в спектакле, который одновременно утверждает народную живучесть и мудрость (Иван, Илья Муромец), высмеивает просвещенную пошлость (Несмеяна, Мудрец). Сатирические образы Бабы-яги, ее дочки, чертей и Горыныча вызывают в зрителях то ощущение, к которому мы, может быть, даже еще и не привыкли: оно совмещает в себе и смех, и горечь, и какое-то страшное недоумение.

Но ведь как раз в этом-то ощущении и заключается художественная особенность многих произведений В. М. Шукшина, который за свою сравнительно недолгую жизнь в литературе и искусстве успел сделать так много и так своеобразно.

В. БЕЛОВ.